

Знаете, что такое детство? Это время, не подвластное смерти. Вечность. И, кажется, отобрать этого невозможно. Ни у кого это не получится. Как можно похитить вечность?.. Детство?..

Я верил, что мертвецы могут приходиться по ночам. Слышал их, казалось, бесшумные шаги по старому паркету родного дома. Слышал, как покойный дедушка кряхтел в своей спальне, как отпирал скрипучие полки секретера в поисках своих папирос.

Я не боялся, бабушка научила не пугаться:

— Это же твой дед, — успокаивала она меня после первого визита призрака. — Он никогда не тронет тебя, наоборот, защитит и убережёт. За папиросками своими дедушка Витя приходит, всю жизнь как-никак дымил, вот и ходит теперь. Там ведь у них, внучек, табаку нет.

Дом, где я родился, всегда представлялся мне живым. А он и жил — дышал, стонал, гудел морозными зимними ночами. Дремал, сопя и улюлюкая знойным июньским днём. Дом разговаривал. Бабушка, бывает, сядет у печки вязать и зашепчет, и дом затихает, прислушиваясь к шёпоту старушки, только гудит огонь и мурлычет кот Васька.

Со мной дом тоже нет-нет, да заговорит. Полезешь, к примеру, на чердак, а он бах-трах — и перед самым носом дверцу захлопнет: «Нечего тебе там делать», значит. Или вот поздней ночью, когда ветер воет в печной трубе и снег стучит в

окна, дом напускает свои волшебные чары: песней сверчка, мурлыканьем кота, похрапыванием отца... и уже нисколько не страшно, и вот уже клонит в сон, и впереди ночь, полная сладких чудесных снов.

Он всегда знает, что нужно домашним, когда обогреть, чтоб никто не простыл, когда освежить комнаты блаженной прохладой. У дома есть глаза и уши, он всё знает и может. Мой дом — моя крепость. За ним ничего не страшно.

Я рос за пазухой родного дома и верил, что здесь же, в нём, вырастут мои дети и дети моих детей, и...

Вокруг дома был огромный сад. Виноград, абрикосы, сливы, вишни... Грядки с салатом, перцами, помидорами, баклажанами, огурцами... И всё в цветах. Бабушка любила розы, мама — ромашки, я — анютины глазки, а ещё у нас росли нарциссы, пионы, сирень...

Сад водил дружбу с домом, а как иначе?.. Не одну сотню лет они вместе, вдвоём помогали выживать моей семье. Пережив войны, землетрясения, разводы и свадьбы, болезни и счастье...

В десять лет я смастерил своими руками первый скворечник. Свой. У нас было много домиков для птиц, целых десять, а это был мой. Прибил его на шест возле калитки и как одержимый ждал первых гостей. Это были скворцы. Они поселились восьмого марта, в яркий солнечный женский день, и скоро на весь сад объявили о рождении новой весны первые птенцы.

Рисовать до ужаса любил, даже не вспомню, как научился.

— Ты родился с карандашом, — шутила мама.

Вся моя детская была в рисунках. Я рисовал всё. Маму, папу, бабушку, пса Рекса, кота Ваську, старшую сестру (которая к тому времени уже жила в другой стране), сад, яблоки в вазе, небо, трещины на асфальте, радугу, дом...

Нарисовал дедушку, которого никогда не видел, только на старых фотографиях, и как-то, помнится, вечером, тогда шёл проливной дождь, коричневой акварелью набросал портрет... домового.

Ещё в комнате висели склеенные собственноручно пластмассовые модели самолётов. Мне больше всех нравился тот, что на водных подушках. Он висел над кроватью, и когда был сквозняк, казалось, что он парит над моей головой и вот-вот улетит в сказочную страну, где живут все игрушечные самолёты, взмахнув на прощанье бело-голубыми крыльями...

Ужинали, а по выходным завтракали и обедали всей семьей в гостинной. Мне нравилось, когда все собирались вместе. Бабушка говорила, что и дед с нами в такие минуты. Она рюмку с водкой, накрытую куском хлеба, для него на стол ставила. Крестилась.

И телевизор по вечерам смотрели вместе. Находя компромисс между просмотром очередной серии сериала «Богатые тоже плачут», программой о спорте и «Детьми капитана Гранта».

В доме всегда вкусно пахло. Мамиными духами (хотя у мам и без парфюма свой, материнский, ни на что не похожий запах), бабушкиными медовыми плетёнками и пирожками с вареньем, папиными инструментами — чумазые, они хранились в мастерской, перемазанные тавотом, и моими акварельными красками вперемешку с пластилином и клеем...

Детство пахнет именно так.

Самым моим заветным местом в доме, конечно же, был чердак, мы собирались с отцом переделать его в мою комнату, но, как говорил папа, «всё руки никак не

доходили». Когда мне удавалось попасть туда, я представлял себя в роли первооткрывателя, археолога, искателя сокровищ... Роясь в бесконечной веренице старых журналов, книг, фотографий, газет, я каждый раз отыскивал что-то ценное для себя, всеми забытое, потерянное...

Нашёл старые карты таро моей прапрабабки, ветхие, колдовские. Я знал, что в моём роду были колдуны, как хорошие, так и плохие. В чемодане из-под дырявых калош извлёк на свет портсигар, должно быть, прадеда. В портсигаре хранились старые пожелтевшие письма от некой Мари, она жила во Франции и надеялась на встречу с неизвестным мне Яковом в месте под названием Монблан, это всё, что мне удалось разобрать.

За пыльным трюмо со сломанным зеркалом отыскал завернутые в мешковину патроны, тут же их спрятал. Отголоски чудовищной войны.

Серьги, порванные цепочки и фотографии, вырезки из газет и журналов про инопланетян, тунгусский метеорит и снежного человека... все эти сокровища хранил здесь же на чердаке, здесь и перебирал их, любуясь, не забывая ежеминутно прислушиваться к шорохам и голосам снизу.

Ага, бабуля вошла в гостиную, на Ваську ворчит, а это мама села на диван. Проверяет мой школьный дневник, жужжит сверло в мастерской отца, и тут резкий, как вскрик, звук. Он нередок в нашем доме, но тогда, в то утро на чердаке, услышав его, я вздрогнул. Впервые.

— Здра-а-а-вствуйте, мои хорошие!

Тётя пришла мыться в баню.

Иногда она приходила раз в неделю, «попариться, банька всё ж лучше ванны», иногда раз в месяц.

Тётя Галя жила недалеко от нас (минут пятнадцать ходьбы), в двухэтажном доме, в двухкомнатной квартире с мужем-алкоголиком дядей Пашей и сыном Валентином, тогда он служил в армии в Германии. Тётя Галя — старшая сестра папы, она тоже жила в доме, пока не вышла замуж. Теперь приходит только в гости на дни рождения, да ещё попариться:

— Баня — лучшее лекарство, — говорит тётя Галя, — знала б, как жить буду, ни за что бы не променяла баню на замужество.

После водных процедур раскрасневшаяся, румяная тётя всегда пила чай с бабушкой на веранде. Иногда и я пил чай с ними.

— Побелить бы дом, мам, надо, да и в бане крыша течёт, что там, толь, что ли, прохудился?..

Бабушка соглашалась.

— Только все работают, вот в отпуска пойдут, тогда...

Цокала язычком недовольно тётя Галя и дула на горячий чай в блюдце.

— А внуки на что? — говорила. — Одна уехала, скоро и второй подрастёт и уедет, так ведь, Глеб?

Я молчал. Бабушка обнимала меня и отвечала:

— Нет, мой внучек меня не оставит, мы с Глебушкой ещё помидорчиков королевских две грядки посадим и ромашек вдоль забора. Да и кто виноградник поливать будет?

Я клялся. Не оставлю. Не брошу.

— Мы и дом побелим в розовый цвет, да же, баба?

Тётя цокала и громко дула на чай.

У нас была большая библиотека, ещё от прадеда.

Три стены полок до потолка, забитые книгами в два ряда.

Двадцать томов советской энциклопедии, собрания сочинений Ленина, Толстого, Есенина, Горького, Драйзера, Дюма, Конан Дойля, Жюль Верна... Сказки, фантастика, книги по кулинарии, курс молодого бойца, как вышивать крестиком, словари по английскому языку, немецкому, азербайджанскому...

Пробовал сосчитать все книги, сбился на тысяча двести десятой...

Дом похож на книгу. Книжки расскажут много о тех людях, которые их бережно хранят, спасая от пыли и забвения...

Я рано научился читать и понял, что с книжкой можно жить другой жизнью, не той, что за дверью. Понял и то, что рано или поздно, а придётся захлопнуть книгу (не всегда дочитав до конца) и открыть дверь. Сделать шаг в жизнь.

Война между двумя народами, двумя национальностями за клочок земли перевернула всё с ног на голову. Соседи — враги, близкие — далёкие... Тогда в двенадцать я впервые узнал, что означает бежать. И что это такое быть беженцем.

Мы не оставили пустым дом, не оставили сад. Бабуля. Она осталась.

— Куда мне бежать, здесь лежат мои родители, мой дед, сыночек мой, сватья Дуня, подруги... Мои могилки будут звать меня. Не поеду. Останусь. Буду ждать, когда кто возвратится. Дом ведь не может быть один, без присмотра. Затоскует и...

Осталась ещё тётя Галя с мужем-алкашом и безработным сыном. Она не хотела оставлять двухкомнатную благоустроенную квартиру, да и ехать ей было не к кому.

Мы же уехали, бежали. Оставили всё и уехали.

Мама боялась за меня, я в классе остался один русскоязычный, папа мог попасть (и наверняка попал бы) под всеобщую мобилизацию мужчин до сорока пяти лет...

С домом не прощались. Я был уверен, что переезжаем ненадолго, что вернёмся. Бабуля плакала, тётя тоже, дядя Паша выпил разведённого спирта за мягкую посадку...

Россия встретила гостей не по-матерински. Получить статус беженцев нам не удалось. Вынужденные переселенцы — вот кем мы стали. Русские русским не нужны, так же, как и мы им — нашим гонителям. Человек — человеку...

Так и жили на съёмных квартирах, в общагах с одной только мыслью о возвращении. По крайней мере, этого жаждал я. Возвращения.

Год и ещё год. И вот у мамы уже постоянная, высокооплачиваемая работа, которой она довольна. Вот и папа больше не живёт с нами, а с какой-то женщиной в соседней деревне. Вот и я учусь на втором курсе гуманитарного лицея, у меня куча друзей, подруга, новое увлечение — театр...

С домом обмениваемся редкими, скучными письмами. Письма идут долго из одного края земли в другой. Бывает, забываешь, о чём писал...

Бабушка пишет мало, видит плохо, накарябает пару строк, промокнёт их своими слезами, дописывает тётя Галя. Пишет, как разваливается дом, как чахнет сад. Как все они нас, хоть кого, ждут.

Я обещаю приехать, переехать. Вернуться домой.

«Тут больше нет гонений, нас никто не трогает, — пишет бабуля, — жизнь обустроивается. Президент хороший. Приехал бы, внучек, а то на кого дом-то... Сестра твоя далеко, тётя Галя тоже не молодая, не справится. Приехал бы, родимый. А то ведь пропадёт дом наш... Я совсем плохо ходить стала, глазки не видят. И пишу потому так, ты уж прости свою бабку...»

Читал письма, тихо плакал. Про себя. Укрывшись в ванной. Я хотел, честно, хотел уехать. Домой. Но как мама? Как учёба? И сестра из-за границы пишет, что собирается, да всё никак не соберётся. То одно, то другое...

Так и прошло пять лет.

Письма из дома перестали приходиться с полгода назад. Пробовал звонить тётке — тишина.

Разговаривал с сестрой, она тоже дозвониться не может.

И, как всегда бывает в этой жизни, а жизнь резка на повороты (раз — и...) — телеграмма: «Дом продала. Деньги поделила. Вышлю. Бабуля живёт у меня. Купила сотовый. Звоните теперь на номер...»

Долго не мог понять. Поверить. «Дом продала». Вот так вот просто. Раз и...

«Деньги поделила». Какие могут быть деньги, если дом бесценен?! «Вышлю»...

У слёз своя природа, порой они тебе не подвластны. Живут своей жизнью — другой, не твоей. Текут. Текут...

Я услышал крик. Внутри себя. Живой. Человеческий. Крик. И зажал голову руками. Показалось, я задремал на мгновенье, и в это мгновенье увидел, как гусеницы бульдозера превратили дом в пыль. Крик. Кричал я. Вместе с домом. Кричал.

Стараясь перекричать рёв бульдозеров, крошащих, рушащих...

«Дом продала».

Горели мои пластмассовые самолёты, тот, что на водных подушках, пытался спастись, вырваться из пламени, дыма и пыли — не смог, его задавило куском кирпича. Разбивались мамины вазочки и посуда. Разлетались вдребезги стёкла, статуэтки, картины, книги, детство...

Проснулся мокрым от пота. Дрожал. Утро серое паялилось в окно. Депрессия. Закурил, никогда себе этого не позволял в комнате. Сел на край дивана.

Бабуля плакала в трубку, с тёткой говорить отказался.

— Неужели нельзя было что-то придумать, сообщить хоть как-нибудь. Это ведь наш дом...

Бабуля плакала.

Знаю, всё решила тётя Галя. Любимая и дорогая.

«Сколько можно было вас ждать! И так пять лет ждали! Дом берегли как могли! Да разве бабушкиной пенсии хватит содержать дом, ухаживать за садом?! Она уже не молодая, восьмой десяток разменяла! И у меня сын больной, муж!.. А вы поразъехались все кто куда, и не знай, приедете не приедете?! Нужен вам ещё старый дом или не нужен?! Вот я и решила... Баню жалко, конечно, было до слёз, теперь в общественную приходится ходить...»

Дома больше нет. Детство осталось там, под завалами разрушенного гнезда. Детство, а значит, и вечность. Знаете ведь, что такое детство? Это время, не подвластное смерти...

Видите, как легко, оказывается, убить вечность.

Да, а знаете, сколько стоит вечность?

200 долларов США — именно столько, по расчетам тётки, «деньги поделила», их получил я.

«И продала-то за копейки, выхода не было, да и кому эта развалюха нужна, сейчас там трехэтажный коттедж...»

Бабушка умерла через месяц после продажи дома. Не пережила. Ушла следом. Как же теперь жить нам?.. Без прошлого?.. Без вечности?..

Я летел на девять дней бабули, в салоне самолёта было душно. Смотрел, как мелькают бело-голубые полосы за стеклом иллюминатора, и думал, как же я посмотрю в глаза тётке? (Только в детстве нет места предательству.) Как заговорю? (Когда всё давно сказано и сделано!) Что скажу на прощанье? (Прощаясь навсегда.)

И вдруг вспомнил, как давным-давно, в выходной день, вся семья собралась за ужином в гостиной (и дедушка наверняка был с нами). Отмечали день рождения тёти Гали (по-моему, юбилей), когда меня попросили что-нибудь пожелать тёте, я, не задумываясь, выпалил:

— Дорогая тётя, желаю счастья, здоровья, долгих лет жизни и... (тут я призадумался ненадолго) и Царствия Небесного!

В гостиной стало тихо. Тётя кашлянула в салфетку.

Первым засмеялся дядя Паша, потом я...

— Вот так тост, — сказала сквозь улыбку тётя, — век не забуду.

Век подходил к концу.

Раз и...

Самолёт заходил на посадку.